

Г. Т. Поленова, М. Г. Аханова

ДИАХРОННАЯ ТИПОЛОГИЯ КЕТСКОГО МЕСТОИМЕНИЯ *bin'* «САМ»

В статье анализируется структура и значения форм кетского возвратно-определятельного местоимения «сам» в типологическом сравнении с подобными местоимениями в языках разных систем в синхронном и диахронном плане. Вначале рассматривается статус местоимения как части речи, спорные вопросы по этому поводу. Подчёркивается типологическая связь определятельного и возвратного значения местоимения «сам» при структурно-семантическом анализе словоформ, их выражающих. Затем излагается описание словоформы “bin” в кетском языке, начиная с истории её исследования кетологами. Приводятся таблицы склонения рассматриваемого местоимения в сравнении со склонением личных кетских местоимений и существительных. Описываются значения падежных форм местоимения “bin”, подкреплённые примерами употребления этих форм в речи. Отмечается чёткое деление кетских падежных форм на две группы: группа родительного падежа и группа основного падежа. Формы родительного падежа выражают посессивные отношения со значением «свой собственный». В типологическом плане анализируются, прежде всего, данные енисейского коттского языка по данным А. Кастрена. Далее привлекается материал языков бурушаски, алтайских, санскрита, дагестанских, финно-угорских и других. Отмечено, что типологических примеров местоимённо-дейктического происхождения местоимения «сам» немного, однако они имеются в языках разных генетических групп, таких как: финно-угорский хантыйский, камчатский ительменский, дагестанский лакский язык. Диахронно-типологический анализ приведённых данных позволил автору заключить, что кетское местоимение “bin” является древнейшим примером словообразования в языке в целом. Если в большинстве представленных в статье языков местоимение «сам» восходит к полнзначному существительному, то структура словоформ местоимения *bin'* не имеет аналогов и состоит из древнейших дейктических частиц с широким значением, т.е. она является свидетелем такого периода в развитии языка, когда каждый строевой элемент имел своё собственное значение. Сложные парадигматические формы рассматриваемого местоимения в современном кетском языке отражают процесс постепенной грамматикализации когда-то самостоятельных дейктических частиц.

Ключевые слова: местоимение 'сам', кетский язык, дейктические частицы, предикативные формы, возвратное местоимение, язык бурушаски, индоевропейские языки, финно-угорские языки.

Как известно, нет другой части речи или класса слов, который вызывал бы столько споров и разночтений, как местоимения. Начиная с вопроса, являются ли они вообще частью речи, а если да, то какой критерий выбрать для их определения как единой части речи. О. И. Москальская придерживается трёх критериев для выделения частей речи: 1) обобщающее значение, 2) синтаксическая функция и 3) морфологическое выражение (Moskalskaja, 2004: 39)

Первый критерий невозможно применить к местоимениям, т.к. они заместители других частей речи, например: нем. *der Tisch – er* (замещает существительное); *dieser Tisch – welcher?* (*dieser* – значение прилагательного) и т.п.

Соответственно нельзя применить и второй критерий, ср.: нем. *Er nimmt mein Buch* (*Er* – подлежащее, *mein* – определение).

И наконец, третий подход – морфологический. У каждого разряда свои правила формоизменения, ср. в немецком языке: личные местоимения изменяются супплетивно, указательные – как определённый артикль, притяжательные – как неопределённый артикль и т.д.

Получается, что считать местоимения частью речи можно только по одному признаку, неприменимому к другим классам слов, а именно: по признаку их заместительной функции, что и отражает термин, которым их называют: русс. *Местоимения*; нем. *Fürwort, Pronomen*;

англ. *pronoun*; фр. *pronot*; исп. *pronombre*. Кроме того, большинство авторов отмечают дейктическую функцию местоимений, ср. мнение О. И. Москальской: «Das Hauptmerkmal der Pronomen besteht darin, dass sie nicht zu den benennenden (nominativen) Wortarten gehören, sondern **verweisende** (выделение автора) Wörter sind. Sie nennen nicht die Erscheinungen der objektiven Realität, sondern verweisen auf sie». – ‘Главный признак местоимений состоит в том, что они не относятся к называющим (номинативным) частям речи, а являются **указательными словами**. Не называя явления объективной реальности, они **указывают** на них’ (перевод здесь и далее наш. – Г. П., выделено нами. – Г. П.) (Moskalskaja, 2004: 209).

С. А. Крылов и Е. В. Падучева в пространной статье о местоимениях в «Лингвистическом словаре» делят их на тематические классы: дейктические (личные 1-го и 2-го лица, указательные); анафорические (личные 3-го лица, указательные, возвратные, взаимные и относительные); кванторные (неопределённые, интродуктивные, экзистенциальные, универсальные, отрицательные и вопросительные). По синтаксическим функциям тематические классы авторы подразделяют на две группы: местоимения – существительные (одушевлённые / неодушевлённые, мужской / женский, абстрактные / конкретные) и местоимения – прилагательные (детерминативы, качественные, количественные, порядковые, притяжательные, количественно-параметрические). Эти же авторы отмечают, что в грамматической традиции, восходящей к античности, местоимения рассматриваются как одна из частей речи. Однако некоторые грамматисты прошлого века с учётом неоднородности этого класса слов распределяют их по другим частям речи в соответствии с синтаксической функцией. Другие подчёркивают связь местоимений с речевой ситуацией, и тогда они становятся указательными (дейктическими); словами – К. Бругман, К. Бюлер, У. Вайнрайх. Третьи называют местоимения индексами, индикаторами – Ч. С. Пирс, В. Коллинсон; подвижными определителями или шифтерами – О. Есперсен, Р. О. Якобсон; актуализаторами или средствами перехода от языка к речи – Ш. Балли, Э. Бенвенист; словами с субъективно-объективным лексическим значением – А. М. Пешковский (см. Крылов, Падучева, 1990: 294–295).

О.С. Ахманова, автор Словаря лингвистических терминов, определяет местоимение как «Часть речи, категориальным значением которой является указание на предмет (признак), исходя из данной ситуации, из обстановки данного акта речи» (Ахманова, 2007: 227).

К. Е. Майтинская в своей монографии «Местоимения в языках разных систем» обозначает класс местоимений как «дейктические (указательные) слова» или «местоимённые слова». Она отмечает, что в эту группу «входят как изменяемые, так и неизменяемые слова, выступающие в функциях имён, а также частиц и наречий» (Майтинская, 2009: 19).

На фоне приведённых взглядов на местоимения как часть речи рассмотрим интересующее нас местоимение «сам», которое в русском языке отнесено к определительным местоимениям.

К. Е. Майтинская считает основными разрядами местоимений личные, указательные и вопросительные. Все остальные относит она к второстепенным. Местоимение «сам» рассмотрено ею в разделе «Возвратные и возвратно-определительные местоимённые слова» как возвратно-определительное. Ссылаясь на академическую Грамматику русского языка, автор называет возвратными местоимения, указывающие на лицо, которое выражает в предложении или в словосочетании производителя действия, сближаясь с личными местоимениями (там же: 266): ср.: *я знаю себя, ты знаешь себя, он знает себя* и т.д.; *я, ты, он, он доволен собой; я беру это себе, ты берёшь это себе, он берёт это себе* и т.п. Местоимение «сам» тоже охарактеризовано сначала на базе данных русского языка. Её примеры: *Я сам знаю, Они сами всё сделают, Дети сами ни в чём не виноваты*. В грамматиках русского языка такое местоимение называется определительным. Однако, как отмечает цитируемый нами автор, в разных языках оно получают различные названия. Так, в коми языке такие местоимения названы усилительно-личными, поскольку они изменяются по лицам, в тюркских

языках они возвратные, например, в азербайджанском языке; в тувинском – возвратно-определятельные и т.д. (см. там же: 267).

Отметим, что при всём многообразии взглядов на рассматриваемое нами местоимение всюду подчёркивается его связь с лицом и возвратностью. Так, в германских языках прослеживается связь местоимения «сам» с возвратностью на действующее лицо. Г. Пауль называет слово *selbe* общегерманским и выделяет в корневом слого индоевропейское возвратное местоимение **se-*. В средневерхненемецком языке функционируют в качестве предикативного определения как сильное и слабое прилагательное формы *sëlber*, *sëlbe*, которые согласуются при склонении с существительным, к которому они относятся (Paul, 1959: 554).

Лутц Макензен прослеживает следующую цепочку в развитии немецкого местоимения *selbst*: средневерхненемецкий – *selbes / selbis* (застывшая форма родительного падежа слова *selb*; готск. *silba*, англ. *self*. Автор считает, что *-t* - это суффикс по аналогии с такими словами, как: *Ax-t, Habich-t, Hüf-t-e, jetz-t, Obs-t, Palas-t, Paps-t, Saf-t, Sek-t, sons-t, Spech-t*. Он возводит немецкое *selbst* к индоевропейскому местоимению **se-l-bho* (Mackensen, 1998: 352).

М.М. Маковский считает, что *selbst* это указательное местоимение. Он связывает его в его исконном состоянии со словом «душа» *Seele*, а душу, в свою очередь, он соотносит с огнём и пишет: «Буквально нем. *selbst* означает ‘внутренний огонь’. ...Язычники считали: что люди и животные при рождении ‘съедают’ свою душу, которая и является их ‘самостью’» (Маковский, 2004: 470–471).

В кетском языке А. П. Дульзон и, вслед за ним, Г. К. Вернер назвали местоимение *bin'* «сам» атрибутивным (Дульзон, 1968; Werner, 1997: 143). Это объясняется тем, что слово *bin'*, как прилагательные в кетском языке, принимает личные предикативные показатели, представленные нами в табл. 1. Однако если прилагательное может принимать не только аффиксы предикации для одушевлённых предметов, но и для неодушевлённых, то местоимение *bin'* сочетается только с лицами, поэтому мы считаем его возвратно-определятельным местоимением (Живова / Поленова., 1978: 10–11).

Таблица 1

Кетские личные предикативные показатели

Лицо и число	Предикативные показатели
1 л. ед. ч.	<i>-d'i</i>
2 л. ед. ч.	<i>-ku/-gu/-yu</i>
3 л. ед. ч.	<i>-du</i>
3. л. ед. ч.	<i>-da</i>
1 л. мн. ч.	<i>-daŋ</i>
2 л. мн. ч.	<i>-kaŋ</i>
3. л. мн. ч.	<i>-aŋ</i>

Словоформа *bin'* в кетском языке употребляется редко. В основном используются предикативные формы: *bin'di* ‘я сам’, *bin'gu* ‘ты сам’, *bin'du* ‘он сам’, *bin'da* ‘она сама’, *bin'daŋ* ‘мы сами’, *bin'gaŋ* ‘вы сами’, *bin'aŋ* ‘они сами’. Эти словоформы ведут себя, как существительные, и склонны ориентироваться на личные местоимения. Для сравнения приведём таблицы, в которых представим склонение личных местоимений и предикативных форм рассматриваемого местоимения (табл. 2, 3).

Как не раз отмечалось, кетские падежи по характеру окончаний делятся на две группы: группа основного падежа (основной, местный, продольный, совместный и лишительный) и группа родительного падежа (родительный, дательный, назначительный, исходный и местноличный) (ср. Топоров, Цивьян, 1968: и др.)

Таблица 2

Склонение кетских личных местоимений

Падеж	1 л. ед.ч..	2 л. ед.ч..	3 л. ед. ч.(м.)	3 л. ед. ч. (ж.)	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.	3 л. мн. ч.
Основн..	<i>ad</i>	<i>u</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>	<i>ətn</i>	<i>Экη</i>	<i>buη</i>
Родит.	<i>ab(a)</i>	<i>uk</i>	<i>buda</i>	<i>budi</i>	<i>ətnna</i>	<i>Экηna</i>	<i>buηna</i>
Дат.	<i>abaηa</i>	<i>ukaηa</i>	<i>budaηa</i>	<i>budiηa</i>	<i>ətnnaηa</i>	<i>Экηnaηa</i>	<i>buηnaηa</i>
Назнач..	<i>abata</i>	<i>ukata</i>	<i>budata</i>	<i>budita</i>	<i>ətnnata</i>	<i>Экηnata</i>	<i>buηnata</i>
Исходн.	<i>abajał'</i>	<i>ukajał'</i>	<i>budajał'</i>	<i>budijał'</i>	<i>ətnnajał'</i>	<i>экηnajał'</i>	<i>buηnajał'</i>
Местно-личн..	<i>abaηta</i>	<i>ukaηta</i>	<i>budaηta</i>	<i>budiηta</i>	<i>ətnnaηta</i>	<i>Экηnaηta</i>	<i>buηnaηta</i>
Продол..	<i>adbəs'</i>	<i>ubəs'</i>	<i>bubəs'</i>	<i>bubəs'</i>	<i>ətnbəs'</i>	<i>экηbəs'</i>	<i>buηbəs'</i>
Совм.	<i>adas'</i>	<i>uγas'</i>	<i>buγas'</i>	<i>buγas'</i>	<i>ətnas'</i>	<i>экηγas'</i>	<i>buηγas'</i>
Лишит.	<i>adan'</i>	<i>uγan'</i>	<i>buγan'</i>	<i>buγan'</i>	<i>ətnan'</i>	<i>экηγan'</i>	<i>buηγan'</i>

Таблица 3

Склонение кетского возвратно-определяющего местоимения *bin'*

Падеж	1 л. ед.ч.	2 л. ед.ч..	3 л. ед. ч. (м)	3 л. ед. ч. (ж)	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.	3 л. мн. ч.
Осн.	<i>bindi</i> ,я сам'	<i>bin'gu</i> ,ты сам'	<i>bindu</i> ,он сам'	<i>binda</i> она сама'	<i>bin'daη</i> ,мы сами'	<i>bin'gaη</i> ,вы сами'	<i>bin'aη</i> 'они сами'
Родит..	<i>bindiba</i>	<i>bin'guk</i>	<i>binduda</i>	<i>bindadi</i>	<i>bin'daηna</i>	<i>bin'gaηna</i>	<i>bin'aηna</i>
Дат.	<i>bindi-baηa</i>	<i>bin'gu-kaηa</i>	<i>bindu-daηa</i>	<i>binda-diηa</i>	<i>bindaη-naηa</i>	<i>bin'gaη-naηa</i>	<i>bin'aη-naηa</i>
Назн..	<i>bindi-bata</i>	<i>bin'gu-kata</i>	<i>bindu-data</i>	<i>binda-dita</i>	<i>bindaη-nata</i>	<i>bin'gaη-nata</i>	<i>bin'aη-nata</i>
Исх.	<i>bindi-bajał'</i>	<i>bin'gu-kajał'</i>	<i>bindu-daηał'</i>	<i>binda-diηał'</i>	<i>bin'daη-naηał'</i>	<i>bin'gaη-naηał'</i>	<i>bin'aη-naηał'</i>
Мест.-личн.	<i>bindi-baηta</i>	<i>bin'gu-kaηta</i>	<i>bindu-daηta</i>	<i>binda-diηta</i>	<i>bin'daη-naηta</i>	<i>bin'gaη-naηta</i>	<i>bin'aη-naηta</i>
Прод.	<i>bindi-bəs'</i>	<i>bin'gu-bəs'</i>	<i>bindu-bəs'</i>	<i>binda-bəs'</i>	<i>bin'daη-bəs'</i>	<i>bin'gaη-bəs'</i>	<i>bin'aη-bəs'</i>
Совм.	<i>bindi γas'</i>	<i>bin'gu-γas'</i>	<i>bindu-γas'</i>	<i>binda-γas'</i>	<i>bin'daηγas'</i>	<i>bin'gaηγas'</i>	<i>bin'aηγas'</i>
Лишит..	<i>bindi-γan'</i>	<i>bin'gu-γan'</i>	<i>bindu-γan'</i>	<i>binda-γan'</i>	<i>bin'daηγan'</i>	<i>bin'gaηγan'</i>	<i>bin'aηγan'</i>

Из приведённых таблиц видно, что лично-предикативная форма рассматриваемого здесь местоимения получает в падежах группы родительного падежа окончания соответствующего личного местоимения: родительный ед. числа – 1-е л. -. *-ba*, 2-л. *-ku*, 3-л. *-da* (м.), *-di* (ф.); родительный мн. числа - 1. л., 2. л., 3. л. *-na*.

Примеры:

- 1) *Abaηa bindibaηa tura qat'kit*
 Мне (мне) самому это дай
 ,Дай это мне (самому)
 я -DAT1SG сам-PRED1SG-DAT1SG это- 3PREDF STEM-2SGSBJ-PRS-PFV
a-baηa bin -di -baηa tu -ra (>-da) qat' -k -i -t
- 2) *Ukaηał' bingukaηał' bu oγon*
 (от) тебя (от) самого он ушёл
 'Он ушёл от тебя'
 ты-2SGABL сам-PRED2SG-2SGABL он 3SGSBJ-STEM-PST
u -kaηał' bin -gu -kaηał' bu o- γo -n
- 3) *Budaηta bindudaηta iηGus' kis'*
 (у) него (у) самого дом новый
 'У него самого дом новый'
 он-ADES3SGM сам-PRED3SG-ADES3SGM солнечный свет-чум новый- PRED
bu -daηta bin -du -daηta iη -Gus (>'qu's') ki -s'

- 4) *ətn bin'daŋ daŋən*
мы сами ушли
'Мы и сами ушли'
мы сам-PRED1PL 1PLSBJ-STEM- PST
ətn bin' -daŋ daŋ -ə -n
- 5) *At bindi tura iŋGus'diŋta diŋaraq*
я сам этот (в) доме живу
'Я один живу в этом доме'
я сам-PREDISG этот/тот-3PREDF дом-ADESSGF 1SGSBJ-γ-PRS-жизнь
at bin -di tu -ra (>-da) iŋGus' -diŋta di -γ -a -raq (>-daq)
- 6) *Abaŋta bindibaŋta bu duŋaraq*
(у) меня (у) самого он живёт
'У меня самого он живёт'
я-ADES1SG сам-PRED1SG-ADES1SG он 3SGSBJ-γ-PRS-жизнь (жить)
a -baŋta bin -di -baŋta bu du -γ -a -raq(>-daq)
- 7) *Abata bindibata bu tura iŋGus' iktel'bet*
(для) меня (для) самого он этот дом купил
'Он купил этот дом для меня'
я-BEN1SG сам-PRED1SG-BEN1SG он этот-3PREDF дом 3SGSBJ-STEM¹-PST-STEM²
a -bata bin -di -bata bu tu -ra (>-da) iŋGus' t(>d) -ket -il' -bet

Как показывают приведённые примеры, рассматриваемое местоимение как бы дублирует соответствующее личное местоимение, принимая те же самые падежные показатели.

Формы родительного падежа местоимения *bin'* употребляются в посессивном значении «мой, мой собственный», «твой, твой собственный», «его, его собственный», «её, её собственный», «наш, наш собственный», «ваш, ваш собственный», «их, их собственный» – семь форм: *bin'diba* (1-е л. ед.ч.), *bin'guku* (2-е л. ед. ч.), *bin'duda* (3-е л. ед. ч. м. р.), *bin'dadi* (3-е л. ед. ч. ж. р.), *bin'daŋna* (1-е л. мн. ч.), *bin'gaŋna* (2-е л. мн. ч.), *bin'aŋna* (3-е л. мн. ч.).

Примеры:

- 1) *Tan'gij kir'a bin'guk ejas'*
Скажи это свой языком
'Скажи мне это на своём языке'
STEM¹-PRS-PST-STEM² этот- 3PREDF сам- PRED2SG-POSS2SG язык-INS
t -a -n' -gij ki -r'a (>-da) bin' -gu -k ej -as'
- 2) *Viŋna bin'aŋna qa?*
их их собственный слово
'Собственно их речь'
они-GENPL сам-PL-GENPL слово
viŋ -na bin'-aŋ -na qa?
- 3) *Bu binduda bis'niminnana əŋən'*
он свой братьям / сёстрам ушёл
'Он ушёл к своим братьям / сёстрам'
он сам-PRED3SG-GEN3SG PL -DATPL SBJ3SG-STEM-PST
bu bin' -du -da bis'nimin -nana ə -γə -n'
- 4) *At budana bindiba bəgdəm dabaq*
я ему моё/своё ружьё даю
'Я даю ему своё (охотничье) ружьё'
я он-DAT3SG сам -PRED1SG-POSS1SG ружьё SBJ1SG-PRS-OBJ-STEM
at bu -dana bin' -di -ba bəgdəm d -a -b -aq
- 5) *Bin'guk kopdana koŋ*
Твой твоему отцу иди
'Иди к своему отцу'
сам-PRED2SG-POSS2SG POSS2SG-отец-DAT1SG SBJ2SG-PST-STEM
bin' -gu -k k -op -dana k -o -ŋ

- 6) *Buŋ bin'aŋna don' dkajnamin*
 они их нож взяли
 'Они взяли свой нож'
 он-PL сам-PL-GENPL нож SBJ1PL-STEM¹-SBJ3PL-STEM²-PST-PI
 bu-ŋ bin'-aŋ -na don' d -kaj -n -am -i -n

Таким образом, формы родительного падежа предикативной основы *bin'* в отличие от других падежных форм выполняют определительную функцию, отвечая уже не на вопросы: «кто? кому? с кем? от кого? и т.п., как при личном местоимении, а на вопросы: «чей? чья? чьи?».

Представленные лично-предикативные формы в падежах группы родительного падежа могут употребляться как сказуемое, принимая не привязанный ни к какому лицу предикативный суффикс-*s'* (мн.ч.. *-s'in*).

Например:

- 1) *Tuda kin'is'ka bin'dadis'*
 эта книжка собственная
 'Эта книжка моя собственная'
 это – 3PREDF книжка(>русск.) сам-PRED3SGF-GENSG PRED
 tu-da kin'is'ka bin' -da -di -s'
- 2) *Tun'a ɔgdan bin'dibas'in, tun'a des' bin'dibas'in*
 эти уши мои свои, эти глаза мои свои
 'Эти уши у меня свои, эти глаза (тоже) мои свои'.
 этот-PREDPL ухо-PL сам-PRED1SG-POSS1SG-PRED-PL
 tu -n'a ɔgda-n bin' -di -ba -s' -in, tu-n'a des' bin'-di-ba-s'-in

В третьем лице возвратно-определяющее местоимение получает те же падежные показатели, что и одушевлённое существительное или личное местоимение 3-го лица, ср. табл. 3 и 4.

Таблица 4

Склонение существительного (одушевл.) и личного местоимения 3-го лица

Падеж	3л. ед.ч. (м.)	отец	3 л. ед.ч.(ф.)	мать	3 л. мн.ч.	отцы	матери
Abs.	<i>bu</i>	<i>op</i>	<i>bu</i>	<i>am</i>	<i>buŋ</i>	<i>obaŋ</i>	<i>amaŋ</i>
Gen.	<i>buda</i>	<i>opda</i>	<i>budi</i>	<i>amdi</i>	<i>buŋna</i>	<i>obaŋna</i>	<i>amaŋ-na</i>
Dat.	<i>budaŋa</i>	<i>opdaŋa</i>	<i>budiŋa</i>	<i>amdiŋa</i>	<i>buŋnaŋa</i>	<i>obaŋnaŋa</i>	<i>amaŋ-naŋa</i>
Ben.	<i>budata</i>	<i>opdata</i>	<i>budita</i>	<i>amdiŋa</i>	<i>buŋnata</i>	<i>obaŋnata</i>	<i>amaŋ-nata</i>
Abl.	<i>budaŋal'</i>	<i>opdaŋal'</i>	<i>budiŋal'</i>	<i>amdiŋal'</i>	<i>buŋnaŋal'</i>	<i>obaŋnaŋal'</i>	<i>amaŋ-naŋal'</i>
Ades.	<i>budaŋta</i>	<i>opdaŋta</i>	<i>budiŋta</i>	<i>amdiŋta</i>	<i>buŋnaŋta</i>	<i>obaŋnaŋta</i>	<i>amaŋ-naŋta</i>
Pros.	<i>bubes'</i>	<i>obbes'</i>	<i>bubes'</i>	<i>ambes'</i>	<i>buŋbes'</i>	<i>obaŋbes'</i>	<i>amaŋ-bes'</i>
Kom.	<i>buyas'</i>	<i>obas'</i>	<i>buyas'</i>	<i>amas'</i>	<i>buŋas'</i>	<i>obaŋas'</i>	<i>amaŋ-as'</i>
Kar.	<i>buyan'</i>	<i>oban'</i>	<i>buyan'</i>	<i>aman'</i>	<i>buŋan'</i>	<i>obaŋan'</i>	<i>amaŋan'</i>

Обратим внимание на то, что одушевлённое существительное, личное местоимение 3-го лица и рассматриваемое местоимение '*bin'*' имеют одинаковые падежные форманты, и перейдём к типологии.

Как известно, енисейская группа языков некогда состояла из шести языков: кетский, югский, коттский, аринский, пумпокольский, ассанский. Последние три исчезли в XVII в., коттский в XIX, югский недавно, остался только кетский язык. Хорошо описаны югский, кетский и коттский языки. Югский и кетский языки очень близки. Что касается местоимений, то здесь между ними почти нет различий вовсе. Относительно местоимения «сам» большое сходство

обнаруживают кетский и коттский языки. Однако в коттском языке нет форм 1-го и 2-го лица этого местоимения. Формы же 3-го лица с корнем *min* ведут себя так же, как кетские. А. Кастрен считал это коттское местоимение возвратным (Castren, 1858). Ср.:

кет. *bin'* / югск. *bin*, котт. *min* – неизменяемая форма для значения «сам»;

кет. *bin'du* / югск. *bindu*, котт. *mintu* – форма 3-го лица мужского класса;

кет. *bin'da* / югск. *binda*, котт. *minta* – форма 3-го лица женского класса;

кет. *bin'aŋ* / югск. *binəŋ*, котт. *mintiaŋ* – форма мн. числа.

Сравним падежные показатели форм родительного падежа:

Ед. число: мужск. класс: кет. *-da* / югск. *da*, котт. *-â*; женск. класс: кет. *-di* / югск. *-di*, котт. *-i*.

Мн. число во всех трёх языках *-aŋ*.

Коттские формы *mintu*, *mintā*, *mintia*, как и в кетском языке, образуют возвратно-посесивные местоимения 3-го лица: *mintuāse* 'его собственный' (3-е л. ед. ч. муж.), *mintāāše* 'её собственный' (3-е л. ед. ч. женск.), *mintiaŋaŋše* 'их собственный' (3-е л. мн. числа).

Из неродственных языков ближе всех к кетскому языку в структурном плане стоит язык бурушаски. Г. А. Климов и Д. И. Эдельман назвали местоимение «сам» в этом языке возвратно-усилительным. Оно имеет простые и редуцированные формы. Как и в кетском языке, местоимение «сам» здесь имеет личные показатели, но в противоположность кетским они носят не суффиксальный, а префиксальный характер. Приводим эти префиксы: ед. число 1-е л. *ja-*, 2-е л. *gū-*; мн. число 1-е л. *mi-*, 2-е л. *ma-*. Третье лицо, как и имя существительное, имеет четыре класса как в единственном, так и во множественном числе: ед. ч. 3-е л.: 1-й кл. *ī-*, 2-й кл. *mī-*, 3-й кл. *ī-*, 4-й кл. *ī-*; мн. число 3-е л.: 1-й, 2-й, 3-й кл. *ū-*, 4-й кл. *ī-*. Категории падежа это местоимение в бурушаски не имеет, см. табл. 5.

Таблица 5

Местоимение «сам» в бурушаски

Формы		Простые		Редуцированные	
		Ед.	Мн.	Ед.	Мн.
Число	Лицо и класс				
		1.		<i>jēi</i>	<i>mī</i>
2.		<i>gūi</i>	<i>maī</i>	<i>gugūi</i>	<i>tamaī</i>
3.	I m	<i>ī</i>	<i>ūi</i>	<i>ū</i>	<i>ūi</i>
	II f	<i>mīi, moi</i>		<i>mumīi</i>	
	III	<i>ī</i>		<i>ū</i>	
	IV	<i>ī</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>	

Приведённые местоимения употребляются самостоятельно и в сочетании с существительным или личным местоимением, например:

- 1) *Gūi ki ši menəŋ ke ū*
(ты) сам это ешь кто-нибудь то (дать) они
'Ты сам поешь это и дай другим'.
2SG это IMP кто-нибудь
gūi ki ši menəŋ ke ū
- 2) *mumūi gute duro etumo*
(она) сама это делавшая
'Она сама это сделала'
32SG 4SG PRED
mumūi gute duro etumo

В сочетании с личным местоимением:

- 3) ūn gugüi gute duro etuma
ты (ты) сам это делавший
Ты сам это сделал'
2SG 2SG 4SG PRED
ūn gugüi gute duro etuma

Возвратно-посессивные местоимения образованы от личных местоимений с добавлением личных и классных приставок с формантом *-imo*. В 1-м лице ед. числа это формы *a-*, *ja*. Например:

- 4) mūimo hālēr ĩcumo
свой собственный нести дом
'Она унесла его в свой дом'
32SG PST ERG
mūimo hālēr ĩcumo
(ср. Климов, Эдельман, 1970: 53–54).

Типологическая параллель подобного образования местоимения в значении «свой, собственный» прослеживается в алтайском кумандинском диалекте, где они тоже восходят к форме родительного падежа возвратно-определятельного местоимения «сам» (Баскаков, 1972: 53).

Однако полной аналогии относительно формообразования и склонения местоимения «сам» не обнаруживается ни с одним языком, что объясняется более поздним формированием этих местоимений по сравнению с личными, указательными и вопросительными местоимениями, которые К. Е. Майтинская отнесла к «Важнейшим разрядам местоимённых слов» (Майтинская, 2009: 61–243).

Диахронически местоимения «сам» и возвратно-определятельные местоимения, как правило, возводят к самостоятельным лексемам-существительным, типа: «душа», «голова», «тело», «лицо», «сердце» и т.п. Например: древнеиндийское возвратное местоимение *ātmán*, фин. *itse*, морд. *es'/äs'*, мар. *ške* 'сам', коми *at's'im* 'я сам' восходят к существительному, имеющему значение «душа». В алтайских языках рассматриваемое местоимение ассоциируется со словом «тело». К. Е. Майтинская приводит много примеров и из других языков, подтверждающих происхождение местоимения «сам» от полнозначных слов-существительных (Там же: 45).

Из енисейских языков подобная связь имеется в коттском языке. Здесь употребляется для форм 1-го и 2-го лица местоимения «сам» слово *hitagô*: *ai hitagô* 'я сам', *au hitagô* 'ты сам', *ajon hitaganô* 'мы сами' и т.д. Личные местоимения сочетаются с формой инструментального падежа слова *hitax*, мн. число *hitagan* 'тело' (Вернер, 1990: 101–102).

Если же рассмотреть структуру кетского *bin'* коттского *min*, то можно утверждать, что её форманты дейктического происхождения. В основе этих слов лежат вопросительно-указательные частицы *bi-* / *mi-*, восходящие к первичным многозначным дейктическим частицам сферы 'Ich-Deixis' по К. Бругману. Элемент *-n* классный показатель одушевлённости. Ср. предикативный показатель притяжательных местоимений *-bi*: *ab-bi* 'мой', *ug-bi* 'твой', *buda-bi* 'его', *bud-bi* 'её' и т.д., а также кетские вопросительные местоимения «кто»: м.кл. *bi-t-s'e*, ж. кл. *be-s'a*. Полагаем, что значение вещности у звука *b* вторично. Как мы отмечали раньше, исходной его функцией было выражение принадлежности человеческому телу, лицу. Этот элемент представлен:

- в форме притяжательного местоимения 1-го лица *ab* 'мой';
- в форме личного местоимения 3-го лица *bu* 'он, она';

- в формах следующих имен существительных: *ba:t* ‘лицо’, *ba:t* ‘старик’, *ba:m* ‘старуха’, *ber* ‘дядя, зять, муж старшей сестры’, *bu:l* ‘нога’, *biŋ* ‘рука’, *bajbul* ‘коса’ (волосы), *ul'bei* ‘душа’, *bo-ŋ* ‘покойник’.

Ранее мы приводили группы формантов как словообразования, так и словоизменения имени и глагола в кетском языке: *bi-bu-ba/bo*, *ib-ub-ab/*ob*, *di-du-da/*do*, *id-ud-ad/*od*, *ti-tu-ta/*to*; *ji-ju-ja/jo*, *ij-uj – aj /oj*; **iŋ- *uŋ -aŋ/oŋ*, **im- *um-am/om*; *i-ku-ka/*ko*, *il'-ul'-al'/ol'*, *ni- *nu-na/no*, *in- *un-an/on*, *l'i- *l'u-l'a/*l'o*, *s'i- *s'u-s'a/*s'o*, *mi- *mu- ma/*mo*, *ŋi-ŋu-ŋa/ŋo*, *is'-us'-as'/*os'*, *gi-gu-ga/*go*. Вокалические показатели: *i-u-a/o*; консонантные: *b, g, k, d, t, m, p, ŋ, s', j, n, l', r', q/ɣ-x*. Согласные указывали, по нашим выводам, на класс денотата, а гласные *a/o, u, i/e* являлись дейксисами широкого плана. Частицы группы *bi-bu-ba/bo* служили первичными показателями агенса, категории действия и процесса (Поленова, 2011: 28, 35, 40–41, 169).

Типологические примеры местоимённого происхождения слова «сам» не столь многочисленны. Тем не менее, их можно найти в языках различных генетических групп. Так, например, в финно-угорском хантыйском, в камчатском ительменском, в кавказском лакском языках они образованы от личных местоимений (Майтинская, 2009: 269; Володин, 1976: 175; Жирков, 1955: 67).

Полной аналогии с кетским языком относительно происхождения местоимения «сам» мы не нашли. Следует признать, что кетское *bin'* представляет собой древнейший тип словообразования, и его формирование восходит к такому периоду в развитии языка, когда каждый строевой элемент имел своё собственное значение. Что касается сложных производных форм этого местоимения, то они отражают процесс грамматикализации некогда самостоятельных дейктических частиц (Поленова, 2002: 20–30), важнейших формальных выразителей референции, выступавших в роли её актуализаторов (ср.: Степанов, 2017: 87).

Список литературы:

- Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
- Баскаков Н. А.** Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект кумандинцев (куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь / Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1972. – 280 с.
- Вернер Г. К.** Коттский язык. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1990. – 410 с.
- Володин А. П.** Ительменский язык. – Л.: Наука, 1976. – 426 с.
- Дульзон А. П.** Кетский язык. Томск: Изд. ТГУ, 1968. – 636 с.
- Живова Г. Т.** (Поленова). Местоимения в кетском языке: Автореферат канд. дис. Ленинград, 1978.
- Жирков Л. И.** Лакский язык. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1955. – 160 с.
- Климов Г. А., Эдельман Д. И.** Язык бурушаски. – М.: Наука, 1970. – 116 с.
- Крылов С. А., Падучева Е. В.** Местоимение. // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 294–295.
- Майтинская К. Е.** Местоимения в языках разных систем. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 312 с.
- Маковский М. М.** Этимологический словарь современного немецкого языка. – М.: Азбуковник, 2004. – 630 с.
- Поленова Г. Т.** В поисках истоков языка: сб. избр. тр. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та имени А. П. Чехова, 2011. – 336 с.
- Поленова Г. Т.** Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). – Таганрог: ТГПИ, 2002. – 202 с.
- Степанов Ю. С.** Индоевропейское предложение. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. – 248 с.
- Топоров В. Н., Цивьян Т. В.** Об изучении имени в кетском (некоторые результаты и перспективы) // Кетский сборник. Лингвистика. – М.: Наука, 1968. – С. 229–246.
- Castrén M. A.** Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. Sankt Petersburg, 1858.
- Mackensen. L.** Ursprung der Wörter. Wiesbaden, 1998. – 448 s.

Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка): Учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. Центр «Академия», 2004. – 352 с.

Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1959. – 782 s.

Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. – 419 s.

Поленова Галина Тихоновна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и французского языков.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского-на-Дону государственного экономического университета (РИНХ).

Ул. Инициативная, д. 48, Таганрог, Ростовская область, Россия, 347936.

E-mail: polenova@mail.ru

Аханова Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского-на-Дону государственного экономического университета (РИНХ).

Ул. Инициативная, д. 48, Таганрог, Ростовская область, Россия, 347936.

E-mail: marina.ahanova@gmail.com

Материал поступил в редакцию 5 марта 2020 г.

G. Polenova, M. Akhanova

DIACHRONIC TYPOLOGY OF THE KET PRONOUN BIN'

The article analyzes the structure and meanings of the forms of the Ket reflexive pronoun “self” in typological comparison with similar pronouns in the languages of different systems from synchronic and diachronic point of view. The typological connection of the definitive and reflexive meanings of the pronoun “self” is emphasized in the structural-semantic analysis of word forms expressing them. Then a description of the word form “bin’” in the Ket language is given. The declension tables of the considered pronoun are compared with the declension of personal Ket pronouns and nouns. The meanings of the case forms of the pronoun “bin’”, supported by examples of the use of these forms in speech, are described. Forms of the genitive case express a possessive relationship with the meaning of “one’s own”. From typological point of view first of all, the data of the Yenisei Kott language are analyzed. Next, material from the languages of Burushaski, Altai, Sanskrit, Dagestan, Finno-Ugric and others is attracted. It is noted that there are few typological examples of the pronoun-deictic origin of the pronoun “self”, however they are available in languages of different genetic groups. Diachronic-typological analysis of the data provided allowed the author to conclude that the Ket pronoun “bin’” is the oldest example of word formation in the language as a whole, it witnesses such a period in the development of the language, when each structure element had its own meaning.

Key words: *pronoun bin', Ket language, deictic particles, predicative forms, reflexive pronoun, Burushaski language, Indo-European languages, Finno-Ugric languages.*

References:

Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [O.S. Akhmanova. Dictionary of linguistic terms]. – М.: KomKniga, 2007. – 576 p. (in Russian)

Baskakov N. A. Severnye dialekty altajskogo (ojrotskogo) yazyka: Dialekt kumandincev (kumandy-kizhi): Grammaticheskij ocherk, teksty, perevody i slovar' [N.A. Baskakov. Northern dialects of the Altai (Oyrot) language: Kumandy dialect (Kumandy-Kizhi): Grammar, texts, translations and dictionary] / Institut yazykoznaviya AN SSSR. – М.: Nauka (Glavnaya redakciya vostochnoj literatury), 1972. – 280 p. (in Russian)

- Verner G. K.** Kottskij yazyk. [G. K. Werner. Cott language] Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1990. – 410 p. (in Russian)
- Volodin A. P.** Itel'menskij yazyk [A. P. Volodin. Itelmen language]. – Leningrad: Nauka, 1976. – 426 p. (in Russian)
- Dul'zon A. P.** Ketskij yazyk. [A. P. Dulzon. Ket language]. – Tomsk: Izd. TGU, 1968. – 636 p. (in Russian)
- Zhivova G. T.** (Polenova). Mestoimeniya v ketskom yazyke. [G. T. Zhivova (Polenova). Pronouns in Ket]. Avtoreferat kand. diss. Leningrad, 1978. (in Russian)
- Zhirkov L. I.** Lakskij yazyk. Fonetika i morfologiya. [L. I. Zhirkov. Lak language. Phonetics and morphology] – M.: Nauka, 1955. – 160 p. (in Russian)
- Klimov G. A., Edel'man D. I.** Yazyk burushaski. [G. A. Klimov, D. I. Edelman. Burushaski language]. – M.: Nauka, 1970. – 116 p. (in Russian)
- Krylov S. A., Paducheva E. V.** Mestoimenie. // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. Gl. red. V. N. Yarceva. [S. A. Krylov, E. V. Paducheva. Pronoun. // Linguistic Encyclopedic Dictionary. Ch. ed. V. N. Yartseva] – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. – P. 294–295. (in Russian)
- Majtinskaya K. E.** Mestoimeniya v yazykah raznyh sistem. [K. E. Maytinskaya. Pronouns in the languages of different systems]. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 312 p. (in Russian)
- Makovskij M. M.** Etimologicheskij slovar' sovremennogo nemeckogo yazyka. [M. M. Makovsky. Etymological Dictionary of Modern German]. – M.: Azbukovnik, 2004. – 630 p. (in Russian)
- Polenova G. T.** V poiskah istokov yazyka: sb. izbr. tr. [G.T. Polenova. In search of the origin of the language] – Taganrog: Izd-vo Taganrofskogo gos. ped. in-ta imeni A. P. Chekhova, 2011. – 336 p. (in Russian)
- Polenova G. T.** Proiskhozhdenie grammaticheskikh kategorij glagola (na materiale enisejskikh yazykov). [G.T. Polenova. The origin of the grammatical categories of the verb (on the material of the Yenisei languages)]. – Taganrog: TGPI, 2002. – 202 p. (in Russian)
- Stepanov Yu. S.** Indoevropskoe predlozhenie. [Yu. S. Stepanov. Indo-European sentence]. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2017. – 248 p. (in Russian)
- Toporov V. N., Civi'yan T. V.** Ob izuchenii imeni v ketskom (nekotorye rezul'taty i perspektivy) // Ketskij sbornik. Lingvistika. [V.N. Toporov, T.V. Tsivyan. On the study of the noun in Ket (some results and prospects) // Ket collection. Linguistics]. – M.: Nauka, 1968. – P. 229–246. (in Russian)
- Castrén M. A.** Versuch einer jenessei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. Sankt Petersburg, 1858. (in Russian)
- Mackensen L.** Ursprung der Wörter. Wiesbaden, 1998. – 448 s.
- Moskalskaja O. I.** Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Moskalskaya O. I. Teoreticheskaya grammatika sovremennogo nemeckogo yazyka): Uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. – M.: Izd. Centr «Akademiya», 2004. – 352 p. (in Russian)
- Paul H.** Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1959. 782 s.
- Werner H.** Die ketische Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 419 s.

Galina Polenova, Professor, Department of German and French, Doctor of philological science.
Rostov State University of Economics.
48 Initsiativnaya, Taganrog, Russian Federation
polenova@mail.ru

Marina Akhanova, Associate Professor, Department of English, candidate of philological science.
Rostov State University of Economics.
48 Initsiativnaya, Taganrog, Russian Federation
marina.ahanova@gmail.com